

В. А. КУЧКИН

ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ ЕЛЛИНСКОГО ЛЕТОПИСЦА ВТОРОГО ВИДА

Распространение в средневековой Руси византийских хроник и других памятников византийской письменности, их влияние на появление русских сочинений по всеобщей истории и на формирование всемирно-исторических представлений и политических взглядов русских людей представляют большой научный интерес. К таким русским сочинениям относится и Еллинский летописец второго вида. Этот большой компилятивный труд был составлен примерно в первой половине XIII в. в одном из центров Северо-Восточной Руси¹. При его создании русскими книжниками были использованы такие памятники византийской письменности, как хроника Иоанна Малалы, Пасхальная хроника, Александрия, Сказание о Софии Цареградской, Видения пророка Даниила с толкованиями Ипполита, Слово Елифания Кипрского о житии богородицы, Слово о царствии язык последних времен Мефодия Патарского, Сказание об Индийском царстве, правда, в переводе с латинского, а также Библейские книги, Хронограф по великому изложению, Еллинский летописец первого вида, Повесть о взятии Константинополя крестоносцами в 1204 г.² Последние три памятника — русские.

Однако источники целого ряда статей Еллинского летописца до сих пор еще точно не установлены. В свое время А. Н. Попов, давая общую характеристику источников Еллинского летописца второго вида, не определил, откуда попали в этот памятник следующие статьи: статья, помещенная между рассказами о 8 и 9 видениях пророка Даниила и озаглавленная «Слово святого Иоанна Богословца о преидущем вѣце»; отрывок о пребывании Христа в Египте; статья «О взятии Иерусалиму третье Титово»; четыре статьи, помещенные в повествование о царствовании Константина Великого; статья «О вдовицине дщери», читающаяся вслед за рассказом о царствовании Зинона; статья «Слово о черноризце» в главе о царствовании Фоки Каппадокиянина; две редакции повести «О Феофиле цесаре, како по смерти прощен бысть»; «Повесть вкратце полезна о Латынех» и повесть «О Кюзарине и жене его»³.

¹ В. М. Истрин. Из области древнерусской литературы. — ЖМНП, 1903, № 10, стр. 215; см. также А. А. Шахматов. Новая хронологическая дата в истории русской литературы. — ЖМНП, 1904, № 1, стр. 175; «История русской литературы», т. 2, ч. 1. М.—Л., 1946, стр. 154.

² А. Н. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 1. М., 1866., стр. 72—95; В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в славянорусском переводе и связанные с нею памятники. — ЖМНП, 1917, № 5, стр. 10—21.

³ А. Н. Попов. Обзор хронографов. . ., стр. 74, 84—88, 90—91, 94.

В. М. Истрин, сделавший очень много для изучения Еллинского летописца второго вида, также не смог установить источники этих статей. Указав, что «исследование хронографического отдела древнерусской литературы принадлежит к одному из очень трудных» из-за «запутанности состава памятников», В. М. Истрин в то же время подчеркнул, что «все источники хронографических памятников — переводные и число их сравнительно невелико»⁴. Называя статьи, источники которых в его время еще не были определены, «статьями неизвестного происхождения», он выразил надежду, что со временем эти источники будут найдены⁵. После В. М. Истрина Еллинский летописец второго вида долгое время никто специально не исследовал. Важный памятник был незаслуженно забыт. Естественно, при таком положении вещей не поднимался заново и вопрос о его источниках. Лишь сравнительно недавно Еллинский летописец второго вида вновь оказался предметом научного внимания. Д. С. Лихачев исследовал списки памятника⁶. Н. А. Мещерский, изучая русскую Повесть о взятии Константинополя крестоносцами в 1204 г., дал характеристику ее в составе Еллинского летописца второго вида⁷; ему же принадлежат интересные наблюдения относительно повести о Козарине⁸.

Работая над Историей Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе, Н. А. Мещерский определил источник одной из наиболее любопытных и наиболее загадочных (в смысле происхождения) статей Еллинского летописца второго вида — статьи «О взятии Иерусалиму третье Титово»⁹.

Со своей стороны, мы можем назвать источник еще одной «статьи неизвестного происхождения». Речь идет о статье «Слово о черноризце». Оказывается, статья эта представляет собой ответ Анастасия Синаита на вопрос, в русских списках имеющий заголовок «О поставлении властелем, яко не вся власти поставляет бог, всеми же действует»¹⁰. В этом произведении Анастасия Синаита затрагивалась такая скользкая в средние века проблема, как отношение к недостойным властям, светским и духовным. Смысл вопроса, поставленного Анастасию Синаиту, самому много претерпевшему от императорской власти, заключался в следующем. По христианской догме, все власти «от бога учинены суть» и должны

⁴ В. М. Истрин. Особый вид Еллинского летописца из собрания Тихонравова. — ИОРЯС, 1912, кн. 3, стр. 1.

⁵ Там же, стр. 12.

⁶ Д. С. Лихачев. Еллинский летописец второго вида и правительственные круги Москвы конца XV века. — ТОДРЛ, т. VI. М.—Л., 1948.

⁷ Н. А. Мещерский. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 году. — ТОДРЛ, т. X. М.—Л., 1954; его же. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами как источник по истории Византии. — ВВ, IX, 1956.

⁸ Н. А. Мещерский. К вопросу о византийско-славянских литературных связях. — ВВ, XVII, 1960.

⁹ Н. А. Мещерский полагает, что источником этой статьи был «Иосиппон» — средневековый еврейский памятник, переведенный непосредственно на древнерусский язык. См. Н. А. Мещерский. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1958, стр. 142. Сомнения в правильности утверждения Н. А. Мещерского выразил Н. К. Гудзий. См. «IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии», т. I. М., 1962, стр. 119—120. Но надо заметить, что предшественники Н. А. Мещерского вообще отказывались назвать источник этой статьи. См. А. Н. Попов. Обзор хронографов..., стр. 85; А. А. Шахматов. Древнеболгарская энциклопедия X века. — ВВ, VII, вып. 1—2, 1900, стр. 15, прим. 2; В. М. Истрин. Особый вид Еллинского летописца..., стр. 23.

¹⁰ См., например, «Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года», изд. Общества любителей древнерусской письменности (далее — ОЛДП), вып. V. СПб., 1880, лл. 95 об.—96. В литературе вопросы Анастасию Синаиту и его ответы на них называются вопросоответами. Последний термин мы будем употреблять в дальнейшем изложении.

быть угодны богу. Но, с другой стороны, как могли быть угодны богу наделенные властью люди, живущие не по христианским заповедям, творящие беззакония? Анастасий Синаит давал теософское объяснение таким случаям. Он разъяснял, что и недостойные власти поставляются по «божью попущению или хотению». Недостойный правитель или пастырь — наказание за людские прегрешения. Существование недостойного князя или иерарха означало, по Синаиту, прежде всего достоинство народа, имевшего таких правителей. С такой точки зрения, причиной зла оказывались не власть предержавшие, а власть неимущие. В подтверждение своей мысли Анастасий Синаит приводил пример с сотником Фокой Каппадокинином, в официальных византийских хрониках не называвшимся иначе, как Мучитель, который смог стать императором якобы лишь потому, что население Константинополя погрязло в различного рода грехах, и притчу о недостойном епископе «беззаконного града Вифаиды».

На Руси ответ Анастасия Синаита получил весьма широкое распространение. М. Дьяконов указал на целый ряд древнерусских сборников от XI до XVI в., где помещалась эта статья¹¹. Правда, сборники были по преимуществу переводные, и для русских читателей высказанные здесь идеи Синаита имели абстрактно-теоретическое значение.

Однако существовали и оригинальные памятники, в которых русские книжники использовали мысль Анастасия о недостойных властях в своих идейно-политических целях. Так, вопросответ Анастасия Синаита вошел в первую часть Мерила Праведного, юридического сборника, составленного на Руси между 1270 г. и серединой XIV в. В первой части Мерила затрагивалась тема о справедливом суде, праведных и неправедных судьях¹². Мерило Праведное предназначалось для судей высокой инстанции. И прежде чем эти судьи приступали собственно к юридическому разбору дел, они, по замыслу составителей Мерила, должны были ознакомиться с общими правами и обязанностями морального порядка, налагаемыми на них самих. Таким образом, вопросответ Анастасия Синаита, наряду с другими отрывками из переводных сочинений византийских авторов, долгое время служил идейным руководством для вершителей правосудия на Руси.

Идеи Анастасия Синаита нашли свое отражение и в другом памятнике русского средневековья — Повести о Михаиле Ярославиче Тверском, написанном в Твери около 1319—1320 г. Здесь мысли Синаита были использованы для обоснования интересной политической концепции, созданной в один из начальных этапов борьбы Северо-Восточной Руси против татаро-монгольского ига. В отличие от многих русских писателей конца XIII—первой трети XIV в., например московских¹³, некоторых ростовских и др., автор тверского памятника призывал к борьбе с татарским засильем, выступал с гневными обличениями ордынских ханов, их вероломной политики по отношению к русским князьям¹⁴. Характе-

¹¹ М. Дьяконов. Власть московских государей. СПб., 1889, стр. 44—47.

¹² М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде. М.—Л., 1941, стр. 91—92, 94.

¹³ Подробнее об идеях самого раннего памятника московской литературы см. В. А. Кучкин. Сказание о митрополите Петре. — ТОДРЛ, т. XVIII. М.—Л., 1962, стр. 76—77.

¹⁴ «Обычай бѣ поганых и до сего дни: вмещуши вражду между братиею князи рускыми, себѣ множайшая дары възимають» (ГБЛ, ф. 310, № 1254, л. 34 — старший список старшей редакции Повести). По справедливому мнению современного исследователя, в Повести содержится уникальное определение татарской политики на Руси; см. А. Н. Насонов. Московский свод 1479 г. и его южнорусский источник. — «Проблемы источниковедения», вып. IX. М., 1961, стр. 379.

ризуя Узбека, принявшего «богомерзкую веру сроцинскую», автор Повести сравнивал его с теми «яко же бо о таковых рекоша царския дѣти въ плѣну в Вавилонѣ суции, глаголаху: „Предасть ны в рущѣ царю немилостиву, законопреступну, лукавнѣишу паче всея земли“. Егда бо господь Титу Иерусалимъ предасть, не Тита любя, но Иерусалимъ казня. И пакы: егда Фоцѣ Царьград преда, не Фоцю любя, но Царьград казня за людския прегрѣшения. Еже и си нас дѣля бысть за наша сѣгрѣшения»¹⁵.

Так писать об Узбеке было в те времена большой смелостью. Золотоордынский хан считался номинальным главой русских земель, и это был хан могущественный, при котором Орда вышла из полосы внутренних неурядиц, окрепла экономически и политически. С Узбеком приходилось считаться даже князьям. И тем не менее в Твери не скрывали своего враждебного отношения к хану и Золотой Орде. Причину «согрешений» Руси, подпавшей под иноземное иго, автор Повести усматривал в междоусобиях, в нарушении определенного феодального правопорядка, когда «начя въсхитити и имѣния сынъ подо отцемъ, брат меньшии под старѣшимъ братомъ»¹⁶.

Ярким примером такого нарушения были действия московского князя Юрия Даниловича, упорно домогавшегося великокняжеского стола во Владимире. Великим князем, против которого боролся Юрий, был Михаил Ярославич Тверской. Как подчеркивается в Повести, только он, единственный из русских князей, имел права на великокняжеский титул: его благословил на владимирский стол его предшественник, великий князь Андрей Александрович, ему же и «по старѣшинству дошелъ быше степени великого княжения»¹⁷, на владимирском столе сидели дед и отец Михаила. Все симпатии автора целиком принадлежали тверскому князю. Действия Юрия в Повести резко осуждаются. Не будь борьбы младшего князя против старшего (а таким в Повести признавался только Михаил Тверской), Русь избавилась бы от своих «согрешений», русский народ стал бы народом достойным, а у достойного народа не мог бы быть недостойный повелитель — татарский хан. Сквозь намеки и теологическую фразеологию, в которую облакал свои мысли тверской писатель, ясно проступала его основная идея: борьба против татарского ига возможна только при ликвидации усобиц в Северо-Восточной Руси, при усилении власти тверского князя, как великого князя Владимирского. Так своеобразно преломились взгляды Анастасия Синаита в памятник, написанный в один из поворотных моментов русской истории.

Исторические параллели между Узбеком, с одной стороны, и Титом и Фокой, с другой, проведенные в Повести, показывают, что здесь был использован, скорее всего, Еллинский летописец второго вида, где имелись соответствующие факты из римской и византийской истории, в соответствующем духе и осмысленные. В свою очередь, составители Еллинского летописца заимствовали в соответствии Анастасия Синаита из более древнего памятника, бытовавшего на Руси. Сличение данного вопроса ответа Анастасия Синаита по различным рукописям, показывает, что хотя тексты очень близки, они содержат ряд различных лексических вариантов, свидетельствующих о существовании нескольких переводов вопроса.

Приводим все такие варианты (см. таблицу).

¹⁵ ГБЛ, ф. 310, № 1254, л. 34 об.

¹⁶ Там же, л. 32 об.

¹⁷ Там же, л. 33 об.

<i>Еллинский летописец второго вида</i> *1	<i>Изборник 1073 года</i> *3	<i>Сочинения Анастасия Синаита</i> *5	<i>Мерило Праведное</i> *6	<i>Пандекты Никона Черногорца</i> *7	<i>Пандекты Никона Черногорца</i> *9
1. властелина	1. цесаря	1. царя	1. цесаря	1. царя	1. царѣ
2. безаконенъ и много нечистоты имыи, безакония творя *2	2. безаконнъ много нечистоты и бесчестья творя	2. безаконенъ много нечистоты и бесчинна творя	2. законопреступенъ многа скверна и неподобна творя	2. законопреступенъ многа скверньна и неподобна творя	2. законопреступленъ многа скверньна и безмѣстна съдѣваж
3. диак нѣкто пагубник напрасенъ	3. боу*4 якъ*4 нѣкто пагубник напрасно	3. яко нѣкто пагубникъ напрасно	3. народникъ нѣкто бещиненъ	3. народникъ нѣкто бещиненъ	3. от народа нѣкыи пагубяѣиши
4. не остана	4. не остана	4. не остана	4. не преста	4. ни . . . преста	4. ни . . . прѣста
5. диак	5. димоть	5. Ѡ димоть	5. народникъ	5. народникъ	5. от народа, паче же радникъ
6. выситися и величатися	6. кычити и величати	6. кычити и величати	6. величитися и високо имѣти	6. кычитися и високо умити *8	6. мѣчатися и велемждравати
7. приступль . . . ангель	7. приступль . . . ангель	7. приступи . . . аггелъ	7. предъставъ ангель	7. предъставъ ангель	7. пришед аггелъ
8. видиши	8. видиши	8. видиши	8. узриши	8. узриши	8. видиши
9. не чудися	9. не чудися	9. не чюдиса	9. не дивися	9. не дивися	9. не дивиса
10. [божия промысла] не искушаи	10. ни . . . потязаи	10. ни . . . потязаи	10. не осуди	10. ни . . . оглаголи (огли)	10. ни . . . облъгоуи

*1 ГБЛ, ф. 228, № 162 (быв. № 597 из Румянцевского собрания), лл. 334 об.—335. Рукопись 1485 г. Тот же текст: ГИМ, Синод., № 86, лл. 455 об.—456 об.; ГИМ, Чуд., 51/353, л. 350 об.; БАН, 33.8.13, лл. 215 об.—216. За сверку текстов с ленинградскими рукописями приношу благодарность Ю. К. Бегунову.

*2 В рукописи «творять». Исправлено по ГИМ, Синод., № 86, л. 456; ГИМ, Чуд., 51/353, л. 350 об. и БАН, 33.8.13, л. 215 об.

*3 «Изборник Великого князя Святослава Ярославича 1073 года». Тот же текст: ГПБ, Кир.-Вел., № 5/1082, лл. 165—166 об.—копия XVI в. с рукописи более древней, чем Изборник 1073 г.; ГИМ, собр. Е. В. Барсова, № 309, лл. 105—106 — Изборник 1519 г.; ОЛДП, вып. V. СПб., 1880, л. 95 об.—96.

*4—*4 Так в изданиях и рукописи.

*5 ГБЛ, ф. 256, № 6, лл. 91—91 об. Рукопись XV в. Судя по всему, эти сочинения Анастасия Синаита выписаны из Изборника. Ср. интерполяцию в сочинениях «паче же димоть, рекши народникъ» (л. 91 об.) с точно такой же интерполяцией в Изборнике 1073 г., л. 96, в Изборнике XVI в., лл. 165—166 об. и в Изборнике 1519 г., л. 105 об.

*6 Мерило Праведное по рукописи XIV века. М., 1961, стр. 123—124.

*7 ГИМ, Чуд., № 16, л. 112. Рукопись последней четверти XIV в.

*8 Так в рукописи.

*9 ГБЛ, ф. 98, № 18, лл. 206—206 об. Рукопись третьей четверти XIV в. Список болгарский. Тот же текст в болгарском списке 60-х годов XIV в.: ГБЛ, ф. 98, № 1, л. 105 об.

Лексические варианты позволяют сделать вывод о том, что существовало по крайней мере три перевода вопросаответа Анастасия Синаита: один — в Изборнике 1073 г., два — в Пандектах Никона Черногорца¹⁸. Все переводы — болгарские¹⁹. Собственно, сборники типа Изборника 1073 г. и Пандекты Никона Черногорца и были основными памятниками, содержащими вопросаответ Анастасия Синаита. Рукописи иного состава заимствовали эту статью из указанных двух источников. Составители Мерила Праведного воспользовались второй редакцией Пандектов Никона. Составители Еллинского летописца второго вида выписали «Слово о черноризце» из Изборника 1073 г. или рукописи, близкой к нему. Некоторые лексические расхождения между текстами вопросаответов в Еллинском летописце и в Изборнике 1073 г. следует объяснять не разницей в переводах, а использованием более обрусевшего списка Изборника при написании Еллинского летописца или, что представляется более вероятным, редакторской работой самих составителей летописца.

Интересно отметить, что в Еллинском летописце второго вида имеется еще одна статья, совпадающая со статьей в Изборнике 1073 г. Это описание 12 камней на ефуде иерусалимского первосвященника, читающееся в тексте Александрии²⁰. Когда В. М. Истрин еще только приступал к изучению «хронографического отдела древнерусской литературы», он представлял себе работу составителей Еллинского летописца второго вида по А. Н. Попову как чисто механическую. Внимательно исследовав одну часть летописца — Александрию, найдя, что она очень сложна по составу, В. М. Истрин не проделал такой же работы над остальным текстом Еллинского летописца. В результате он сделал вывод, что Александрия так называемой второй редакции, которая известна только по Еллинскому летописцу второго вида, существовала самостоятельно и просто механически присоединена к Еллинскому летописцу²¹.

Позднее В. М. Истрин нашел, что Еллинский летописец второго вида — памятник чрезвычайно сложный, где очень умело скомпилированы разные источники. Сейчас уже едва ли можно говорить об их механическом соединении. И тот факт, что в тексте летописца обнаруживается еще одно заимствование из Изборника 1073 г., заставляет подумать, не возникла ли вторая редакция Александрии при составлении Еллинского летописца второго вида. Становится также очевидной необходимость тщательного изучения Еллинского летописца второго вида в целом и его скорейшего издания.

¹⁸ Пандекты Никона Черногорца переводились три раза. См. А. Горский, К. Невоструев. Описание славянских рукописей московской Синодальной библиотеки, отд. II, ч. 3. М., 1862, стр. 24—28. Мы приводим вопросаответ Анастасия Синаита по двум последним переводам.

¹⁹ А. Горский и К. Невоструев считали, что третий перевод был сербским. Однако наличие старших болгарских списков этого перевода показывает, что перевод был болгарским.

²⁰ В. М. Истрин. Александрия русских хронографов. — «Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских», кн. I, 1894, отд. III, стр. 164.

²¹ Там же, стр. 241—242 и 251.